

EDN: MEZHUU

УДК 821.112.2+821.161.1

Два «Прометея»: рецепция дионисийской символики в поэмах В. И. Иванова и З. Липинера

Качоровская Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019.
E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья исследует дионисийскую символику в качестве рецептивного компонента двух значимых литературных произведений прометеевского дискурса рубежа XIX–XX вв.: поэмы австрийского литератора Липинера (S. Lipiner, 1856–1911) «Освобожденный Прометей» ("Der entfesselte Prometheus", 1876) и поэмы-трагедии «Прометей» (1919), принадлежащей перу представителя русского символизма Вяч. Иванова (1866–1949). Предметом статьи является корреляция дионисийской символики в духе трактата Ницше (Nietzsche, 1844–1900) «Рождение трагедии из духа музыки» ("Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik", 1872) с прометеевским дискурсом на почве австрийской (Липинер) и русской (Иванов) литературы. Цель исследования заключается в интерпретации двух поэм в заданном диапазоне проблем, позволяющем показать, в какой мере влияние европейской модернистской парадигмы конца XIX столетия находит свое отражение в русской поэзии серебряного века. Актуальность исследования обусловлена непрекращающимся интересом отечественного и немецкоязычного литературоведения к прометеевскому и дионисийскому дискурсу. Новизна исследования видится в том, что в рамках данной статьи впервые в отечественном литературоведении проводится сравнительный анализ поэм Липинера и Иванова, объединенных обращением к одному древнегреческому мифологическому прообразу. Результаты исследования позволяют на конкретных примерах презентировать влияние европейской литературной мысли эпохи австрийского модерна на поэзию русского символизма. Область применения результатов могут быть специализированные курсы о творчестве Липинера, а также связанные с данной тематикой дополнения к лекционным курсам по австрийской литературе рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: Липинер, Вяч. Иванов, дионисийская символика, прометеевский дискурс, ницшеанство.

Введение. Поиски универсального всеединства, всемирности, отображаясь в европейской и русской культуре, преломляясь в поэзии и прозе, в разные эпохи приводят к использованию неизменных праформ, тяготеют к единым прасюжетам, опираются на одни и те же первичные прообразы. Многогранная европейская культура эпохи модерна, апеллируя к древнегреческой мифологии, обращает особое внимание на прометеевскую и дионисийскую тематику. Расцвет культа Диониса в полной мере отражается в европейской литературе рубежа XIX–XX веков. Бог древней Эллады, чье имя используется для создания своеобразной философской системы – дионисизма, становится знаковой фигурой в немецкоязычной лирике и прозе, превращаясь в один из культурных кодов этого исторического периода. В Германии к теме дионисийского начала обращаются Ницше (F. Nietzsche, 1844–1900), Роде (E. Rohde, 1845–1898) и Т. Манн (Th. Mann, 1875–1955), в австрийской литературе – Шницлер (A. Schnitzler, 1862–1931), Гофмансталь (H. von Hoffmanstahl, 1874–1929) и Касснер (R. Kassner, 1873–1959). «Певец Диониса» [12, с. 18] – Ницше – в своем труде «Рождение трагедии из духа музыки» интерпретирует и «прославляет Диониса в дифирамбических тонах, звучание которых отличается от научного дискурса...» [16, с. 125], подчеркивая взаимосвязь дионисийского начала с образом Прометея: «...Титаническое стремление стать как бы Атлантом всех отдельных существ и на сильных плечах нести их все выше и выше, все дальше и дальше и есть то, что объединяет прометеевское начало с дионисическим» [11, с. 94–95]. Многообразная дионисийско-аполлоническая символика, в интерпретации Ницше представляющая собой двойственность, неизменно стремящуюся к «единству бесконечного универсума...» ("Einheit der endlosen Universalität...") [21, S. 148], находится в сложном взаимодействии с прометеевской и, отчасти, христианской тематикой, восходящей в том числе и к библейскому протексту: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода» [2, 15, 5, с. 1643].

К истории вопроса: Липинер. Вслед за оригинальными суждениями Ницше, образы Диониса и Прометея в европейской литературе сопоставляются и пересекаются, нередко им приписываются практически тождественные черты. В конце XIX века в Австрии появляется поэма молодого австрийского литератора Зигфрида Саломо Липинера¹³ «Освобожденный Прометей». Среди современных европейских исследований о Липинере и его дебютной поэме выделяется статья австрийского литературоведа Ленгауэра (Hubert Lengauer, 1948–) [19, S. 1227–1246], иллюстрирующая взаимосвязь творческой биографии поэта с отзывами его знаменитых современников. Согласно исследованию Ленгауэра, в кругу общения Липинера находится и сам Ницше, обративший особое внимание на развитие дионисийской тематики в «Освобожденном Прометее» [Ibid., S. 1229–1231]. Самобытная поэма Липинера, отличаясь универсальным, отчасти синкретичным содержанием, демонстрируя своеобразие интерпретации древнегреческого мифа, изобилуя элементами философии и мистической символики в духе Гете (J. W. Goethe, 1749–1832)¹⁴, а также обладая драматичностью и необыкновенной музыкальностью слога, оценивается и австрийским композитором Малером (G. Mahler, 1860–1911) как чисто дионисийское произведение, что следует из их переписки [10, с. 376–379].

В начале XX века в России поэма привлекает внимание известного филолога и переводчика Н. А. Холодковского (1858–1921), и в 1908 году его перевод «Освобожденного Прометея» на русский язык выходит в Санкт-Петербургском издательстве А. С. Суворина (1834–1912).

К истории вопроса: Иванов. Через девять лет в печати революционного Петербурга появляется поэма-трагедия «Прометей» (1919) Иванова. Многочисленные исследования, посвященные творчеству Иванова и его пониманию дионисийского начала, отмечают особую взаимосвязь, иногда даже некое тождество русского символизма с европейским дионисизмом эпохи модерна, воспринимающееся как «символистическое (дионисийское) неравенство себе, перехлестывание "пены через края..."» [1, с. 12]. В современных исследованиях об Иванове «главный герой ивановской мифологии...» [Там же, с. 14] – бог Дионис – рецепируется как некая «антиномика жертвы, через которую дается самоопределение божественной Любви...» [14, с. 141], что сближает символику дионисийского начала с символикой христианства.

Ницшеанская философия, с 1880-х годов приобретающая известность в России, претерпевает на русской почве своеобразную метаморфозу, превращаясь в некий особый русско-европейский дискурс: сплав модных идей и тенденций ницшеанства с русским символизмом. Исследователи творчества Иванова отмечают, что поэт также находится «под сильным влиянием Ницше уже с 1880-х годов...» [17, с. 20]. Поэтика Иванова интерпретирует философские идеи «теории всеединства» [13, с. 5] В. С. Соловьева (1853–1900) и дионисийско-аполлоническую ницшеанскую философию как некий тяготеющий к христианству философско-символический синтез. Вероятно, приверженностью дионисийским символам объясняется и «убежденность в мистическом энергетизме слова» [7, с. 146], и особый «платонизм» [Там же, с. 148] Иванова, для которого творчество всегда является актом божественного, ниспосланного свыше вдохновения.

В начале XX века в России наряду с дионисийской тематикой входит в моду также и прометеевский дискурс. Помимо трагедии «Прометей» Иванова, к образу титана обращается, например, поэт серебряного века В. Я. Брюсов (1873–1924) в своем стихотворении «К олимпийцам» (1905).

¹³ Зигфрид Саломо Липинер – австрийский поэт, современник Ницше и Малера, родился в Галиции, получил образование в Тарнове, Вене, а также в Лейпциге и Страсбурге. В основном имя Липинера известно за пределами Австрии благодаря его переводам из Мицкевича. Кроме того, в истории литературы он остался как автор исследуемой в рамках данной статьи философско-эпической поэмы «Освобожденный Прометей» ("Der entfesselte Prometheus", 1876), а также поэмы «Ренатус» ("Renatus"), 1878) и трагедии «Ипполит» ("Hippolytus", 1913). Подробнее о поэме Липинера в связи с темой дионисизма см.: Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедийного аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» = Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der Entfesselte Prometheus" // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7 [4, с. 259–277].

¹⁴ О прометеевском дискурсе в современных западных исследованиях см.: Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur. Einleitung. Muenchen: Fink, 1999 [20, S. 7–8]. Подробнее о Прометее и влиянии гетеанства на поэму Липинера см.: Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5 [5, с. 320–335].

Сравнительный анализ двух «Прометеев». Два исследуемых «Прометеев»: «Освобожденный Прометей» Липинера и «Прометей» Иванова, относящиеся к русско-австрийскому литературному контексту эпохи модерна, выбраны для сравнительного анализа не случайно. Изучение двух разноязычных, исполненных мистического символизма произведений, обнаруживающих аллюзии на ницшеанскую неклассическую философию, и в частности на трактат «Рождение трагедии из духа музыки», позволяет подчеркнуть актуальность прометеевского и дионисийского дискурса для литературы Европы и России на рубеже XIX–XX веков.

Архитектоника обеих поэм отчасти имитирует структуру религиозных дионисийских мистерий как истока древнегреческой трагедии, обязательным и весьма значительным элементом которой является объединяющий все театральное действие Хор. Это обстоятельство отсылает также и к ницшеанской философии, придающей хору в древнегреческой трагедии основополагающее значение. Обращаясь к истокам трагедии в Древней Греции и вслед за Шлегелем (Fr. Schlegel, 1772–1829) и «Фаустом» (1808) Гете воспринимая Хор как некоего «идеального зрителя» [11, с. 74], вероятно, комментирующего и объясняющего зрительному залу происходящее на сцене, Ницше, в частности, отмечает: «...предание говорит нам с полной определенностью, что трагедия возникла из трагического хора и первоначально была только хором, и не чем иным, как хором...» [Там же, с. 73].

В тексте поэмы Липинера такими комментаторами, а в ницшеанском смысле – идеальными зрительницами происходящего, – являются могущественные существа древнегреческой мифологии: триада Мойр, предсказательниц Судьбы, символизирующая темные силы первоначального Хаоса. Согласно исследованиям А. Ф. Лосева (1893–1988), Мойры встречаются в различных пратекстах, в том числе у Гесиода (VIII–VII в. до н. э.), визуализируя «постоянную триадичность мифа» [9, с. 37]. На протяжении всей поэмы Липинера Мойры антагонизируют с Прометеем, стараясь помешать светлым силам, которые он так или иначе представляет. В начале поэмы одна из Мойр – Лахезис – воспекает собственные мрачные деяния, радуясь оковам своего врага – Прометеев:

Так их я смирила! Могучая Мойра
Крылом своим черным покрыла свободных, –
Враг, цепи разбивший, томится в цепях... [8, с. 33]

Хору могущественных Мойр противостоит мистический «пронзительный клич» [Там же, с. 35], сопровождающий чудесное освобождение Прометеев от оков:

Победой ты блещешь, божественный лик,
Свободен податель свободы! [Там же, с. 36].

В «насыщенной подтекстами» [6, с. 123] поэме-трагедии Иванова «Прометей», подобно поэме Липинера, вобравшей в себя опыт многочисленных мировых литературных шедевров – от Гесиода, Эсхила (около 525–456 до н. э.) и Платона (около 428–424 до н. э.) до Гете и Ницше [Там же, с. 123], – роль псевдогреческого Хора также весьма существенна. Здесь комментирующий Хор состоит не из трех Мойр, но из трех Океанид, что, в частности, отсылает к пратексту – трагедии Эсхила «Прометей прикованный» (444–443 до н. э.), где «Хор Океанид, дочерей Океана» [18, с. 17] сопровождает Прометеев в течение всего действия, сочувствуя и помогая титану:

Хор:
– Не бойся, друг наш!
Мы летим к тебе с любовью
На звенящих острых крыльях... [Там же, с. 125]

Упоминается в трагедии Эсхила и триада Мойр, выступающих в качестве вершительниц судеб и хранительниц высшего знания. Их власть превышает даже власть Зевса:

Старшая Океанида:
– Кто ж у руля стоит Необходимости?

Прометей:
– Три Мойры, Эвмениды с долгой памятью.

Старшая Океанида:
– Так значит, Зевс им уступает силою?

Прометей:
– Что суждено, не избежит и Зевс того...» [Там же, с. 45]

Для Прометеев Иванова хор Океанид не является враждебной силой. Ведя диалог с «мятежницами Океанидами» [3, с. 35] и называя их своими «сестрами» [Там же], титан подчерки-

вае их бунтарскую сущность, близкую его собственной природе. Интересно, что и в поэме Липинера присутствует некая мистическая взаимосвязь названных поэтом «Сестрами Судьбы» [8, с. 31] Мойр и Прометей, визуализирующая нерасторжимость таких универсальных антиномий, как Свет и Тьма, День и Ночь, Добро и Зло.

Если хор трех Мойр у Липинера доминирует в первых песнях поэмы, то в трагедии Иванова эти мифические существа только упоминаются. Тем не менее им отводится важная, хоть и закулисная роль предвестниц грядущих событий, высказывающих сомнения в истинности воли некоего мистического Духа:

1-я Океанида:

– Творец – нам пели Мойры – душ вожатый

Из мрака в сумрак, из плененья в плен.

Прометей:

– Из мрака в сумрак, из подземья – к свету!

2-я Океанида:

– В плен из плененья, из тюрьмы в затвор –

Нам пели Мойры – водит дух, блуждая.

Уз разрешитель – ковщик новых уз [3, с. 36].

Можно предположить, что в данном случае мрачные пророчества Океанид возникают в тексте трагедии Иванова в качестве дионисийского символа в духе Ницше, поскольку именно «под влиянием Ницше сформировалась ивановская концепция дионисийства...» [6, с. 125]. Подобно тому как, по мысли Ницше, сам «эсхилловский Прометей» [11, с. 95] может представлять собой «дионисическую маску» [Там же] для двух взаимосвязанных начал – дионисийского и аполлонического, враждебные Прометею Мойры могут выступать под сценической маской Океанид, варьируя символ дионисийской дисгармонии, не чуждой и самому прометеевскому образу.

Роль Хоров в обеих поэмах представляется важным атрибутом мистической символики в духе ницшеанского дионисизма. Многочисленные диалоги Прометей с хором Океанид в трагедии Иванова «Прометей» дополняют и продолжают ту же тему искупления человечества и служат для выражения тех же сомнений в возможности изменить ход событий, что и диалоги Прометей с хором Мойр в поэме Липинера «Освобожденный Прометей».

Сюжеты двух «Прометеев», появившихся в русской печати в начале XX века, при всем различии также обнаруживают ряд близких по смыслу мотивов. В начале поэмы «Освобожденный Прометей» Липинера титан предстает перед читателем спящим, закованным в цепи высоко в горах. Его пробуждение и освобождение от цепей связано с образом анонимного поэта, впоследствии, подобно Вергилию в «Божественной комедии», сопровождающего его вниз, в долину людей. Незримо участвуя в различных философских диалогах, а также в театрализованных сценках в качестве наблюдателя, Прометей делает выводы о нынешнем человечестве, которое, по его мнению, ничем не лучше прежнего. Новое поколение людей искажает смысл заветов титана, понимает провозглашенную некогда Прометеем свободу как бунт против своих правителей и устраивает пиршества в духе дионисийских мистерий, в данном случае объединяющих символику вина и крови, поскольку повстанцы устраивают кровавые расправы. В середине поэмы происходит диалог Прометей и некоего Мирового Духа, обладающего символическими чертами Христа, что актуализирует своеобразную корреляцию дионисийского начала с христианскими мотивами. Мистический Дух в поэме Липинера призывает Прометей к новому искуплению несовершенного человечества. Титан соглашается. Скорбь по вознесшемуся Прометею и торжествующая радость парящего над цветущей долиной Духа составляют заключительную часть произведения, вписывающую образ титана Липинера в плеяду прометеевских образов (Ницше, Роде), наделенных жертвенными христианско-дионисийскими чертами.

Сюжет трагедии Иванова «Прометей» представляет титана, в отличие от Прометей Липинера, явно связанного с символом огня и образом бога Гефеста, кующего молотом боевые мечи, но также «плуг и серп» [3, с. 33], что, в частности, вызывает реминисценции на красный флаг современной поэту революционной России с изображением серпа и молота. Символистские диалоги Прометей с комментирующим хором Океанид, обнаруживающие связь с философией дионисизма, сменяются сценой вакхического действия, в котором принимает участие Пандора. Пандора, открывая свой ящик, одаривает толпу украшениями. Звучат хоры мужчин и женщин, воспевающих наслаждение. Толпа приносит в жертву Пандору, а «ковщик новых уз» [3, с. 36] – Прометей – согласно предсказаниям Океанид, вновь заковывается в цепи.

Ряд сцен в трагедии Иванова, во многом созвучный поэме Липинера «Освобожденный Прометей», имеет прямое отношение к дионисийской символике: в разном контексте воспеваются жертвенность, свобода, любовь, вино, кровь, розы, пляски и пение. Например, Пандора во время дионисийского действия рассказывает людям легенду о принесенном в жертву младенце Дионисе:

Внемлите ж! Древле сына Зевс родил.
В начале было то; родилось время
С рождением сына; был иной тот Зевс.
Владыкой мира он Дитя поставил,
И сладостно играл вселенной сын,
И в той игре звучало стройно небо.
Небес алкали – род Земли – титаны:
Подкрались к младенцу Дионису,
Подрали плоть его, огнем палящим
Насытились – и пали пеплом дымным;
А сердце сына, бьющееся сердце
Отец исхитил и в себе сокрыл [Там же, с. 74].

Интерес в связи с мистическим дионисийским компонентом представляет и некий анонимный образ женщины в поэме Липинера, символизирующий Истину и отчасти перекликающийся с образом Пандоры в трагедии Иванова:

Тогда предстанет Истина пред всеми,
Как женщина прекрасная, втройне
Пленяя взор под нежною фатою,
И без меча всех победит врагов! [8, с. 144]

Два прометеевских образа в исследуемых поэмах также обнаруживают ряд близких в отношении символики моментов. Мятежный Прометей Иванова, явно тяготеющий в начале поэмы к образу бога огня, в дальнейшем обретает жертвенные христианско-дионисийские черты. Искупительное начало, символом которого является младенец Дионис, находит свое выражение в описании процесса создания Прометеем людей из глины:

Сама в перстах моих слагалась глина
В обличья стройные моих детей,
Когда сошел я в пахнувшие гарью
Удолия, где прах титанов тлел,
Младенца Диониса растерзавших
И в плоть свою приявших плоть его [Там же, с. 36].

Строфы трагедии передают бунтарское желание Прометея сравниться в акте творчества с богами-олимпийцами и превзойти их:

Я был творцом их, если тот творец,
Чье имя меж богов – Освободитель [Там же].

Дионисийская символика позволяет двум Прометеем передавать людям свои таинственные мистические заветы, отчасти связанные и с философией солипсизма – восприятием мира как продукта собственного Я. Вечные заветы будущим поэтам в обеих поэмах основаны на идее творческой свободы, которой можно достичь духовным искуплением.

В трагедии Иванова свободный поэт подчинен только бессмертной творческой силе:

Прометей:
– Вы поклялись. Ответствуй же: свободный
Покорствуешь кому?

Аргест:
– Тому, кто в нем
Он сам, – ты наставлял.

Прометей:
– Ему, о дети,
Покорствуйте! Бессмертному в себе!» [Там же, с. 52]

В поэме Липинера, воспевающей творческое вдохновение, Прометей обращается к анонимному поэту:

А ты, поэт! Ты в сердце вдохновенном
Храни всегда священный мой завет! [8, с. 144]

Передав свои заветы, «титан, окруженный облаками, поднимается в необъятную высоту, уходя из земного мира...» [15, с. 13]. Уподобляясь, как и Прометей Иванова, жертвенной фигуре Диониса, Прометей Липинера завещает людям некий символ искупления, связанный с пробуждением творческой энергии Всемирного Духа («Пусть дух они восставший пробуждают...») [8, с. 144]:

...И пусть все звуки, что в душе его
От вечности и в вечность раздавались,
В одной великой песне мировой
Соединит он с вестью искупленья! [Там же]

Заключение. Таким образом, два «Прометейя» рубежа XIX–XX веков: «Освобожденный Прометей» Липинера и «Прометей» Иванова – обнаруживают множество аналогичных черт, поскольку основаны на одних источниках, определяющих рецепцию дионисийской философии и символики. Ряд отличий и совпадений в двух «Прометейях» на уровне архитектоники произведений (объединяющая роль Хора), сходства сюжетов и образов позволяет проиллюстрировать преемственность поэтики Иванова по отношению к прометеевской и дионисийской тематике в духе Ницше, популярной в Австрии конца XIX века. Выраженное влияние европейской словесности на русскую поэзию серебряного века актуализируется, в частности, сходством двух исследуемых поэм, нашедшем свое отражение в том числе и в синтезе ницшеанского дионисийского начала с идеями, близкими христианству. Данный синтез по-своему отображается в творчестве Липинера, тяготеющего, вслед за гетеанскими идеями, к теме христианско-дионисийского искупления и Иванова, уникальность поэтики которого проявляется в попытке соединения ницшеанских представлений о дионисийском начале с элементами христианской философии В. С. Соловьева.

Список литературы:

1. Барзах А. Е. Материя смысла // Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб.: Академический проект, 1995. С. 5–60.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в Синодальном переводе с комментариями и приложениями // Евангелие от Иоанна. М.: Российское Библейское общество, 2004. С. 1643.
3. Иванов В. И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. Кн. II / вступ. ст. А. Е. Барзаха; сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирного. СПб.: Академический проект, 1995. 432 с.
4. Качоровская А. Е. Рецепция дионисийской музыки как интермедиального аспекта немецкоязычного прометеевского дискурса в поэме Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2025. Т. 14, № 7. С. 259–277. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82931018>. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277.
5. Качоровская А. Е. Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. Т. 11, № 5. Екатеринбург, 2022. С. 320–335. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3862>. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.
6. Каяниди Л. Г. Ницшеанский слой в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Имагология и компаративистика. 2025. № 23. С. 122–145.
7. Лаппо-Данилевский К. Ю. К проблеме звукообраза у Вяч. Иванова // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 138–165.
8. Липинер З. Освобожденный Прометей / пер. и введение Н. А. Холодковского. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1908. 174 с.
9. Лосев А. Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней: собр. первоисточников, ст. и коммент.: энцикл. олимпийских богов / предисл. А. А. Тахо-Годи. Харьков: Фолио; М.: Эксмо, 2005. 1004 с.
10. Малер Г. Письма / под общ. ред. И. А. Барсовой. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2006. 896 с.
11. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб.: Азбука-классика, 2005. 208 с.
12. Соколов Б. Г. Страсти по Ницше // Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / пер. с нем. Г. А. Рачинского. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 5–40.
13. Тахо-Годи А. А. «Философ хочет все понимать»: предисл. // Лосев А. Ф. Диалектика мифа. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. С. 5–30.
14. Федотова С. В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов: ИПКРО, 2012. 293 с.
15. Холодковский Н. А. Введение к поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Липинер З. Освобожденный Прометей / пер. с нем. Н. А. Холодковского. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1908. С. 1–20.
16. Шмидт-Денглер В. Миф о Дионисе в культуре Вены на рубеже XIX–XX веков // Сборник статей Studia germanica: немецкоязычная литература XIX–XX веков в современных исследованиях: неконфронтационный диалог. СПб., 2004. С. 124–137.

17. Щербакова Е. В. Интерпретация ницшеанского дионисизма в творчестве Вячеслава Иванова // Русская литература и философия. Липецк, 2011. С. 20–24.
18. Эсхил. Прикованный Прометей / пер. А. И. Пиотровского ; вступ. ст. и примеч. В. Н. Ярхо. Калининград : Янтарный сказ, 1997. 95 с.
19. Lengauer H. Siegfried Lipiner: Biographie im Zeichen des Prometheus // Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II / Hrsg. von H. Zehman. Graz, 1989. S. 1227–1246.
20. Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur. Muenchen : Fink, 1999. 248 S.
21. Puetz P. "Arischer" Frevel und "semitische" Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption // Prometheus: Mythos der Kultur. Muenchen : Fink, 1999. S. 145–160.

Two "Prometheus": Reception of Dionysian Symbolism in the Poems of V. I. Ivanov and S. Lipiner

Kachorovskaya Anna Evgenyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of German and Romance Languages for Professional Communication, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, Saint Petersburg.
ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Abstract. This article examines the Dionysian symbolism as a receptive component of two significant literary works within the Promethean discourse of the turn of the 20th century: the poem "Der entfesselte Prometheus" (1876) by the Austrian writer Siegfried Lipiner (1856–1911) and the verse-tragedy "Prometheus" (1919) by the Russian symbolist Vyacheslav Ivanov (1866–1949). The subject of the article is the correlation of Dionysian symbolism, in the spirit of Nietzsche's treatise "Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik" (The Birth of Tragedy from the Spirit of Music, 1872), with the Promethean discourse in the context of Austrian (Lipiner) and Russian (Ivanov) literature. The aim of the research is to interpret the two poems within the specified problem range, demonstrating the extent to which the influence of the European modernist paradigm of the late 19th century is reflected in Russian poetry of the Silver Age. The relevance of the study is determined by the ongoing interest in Promethean and Dionysian discourse within both Russian and German-language literary criticism. The novelty of the research lies in the fact that this article presents the first comparative analysis of Lipiner's and Ivanov's poems in Russian literary studies, works united by their reference to a common ancient Greek mythological archetype. The results of the study allow for a concrete demonstration of the influence of European literary thought from the era of Austrian Modernism on Russian symbolism poetry. The area of application for these results could include specialized courses on Lipiner's work, as well as related additions to lecture courses on Austrian literature of the turn of the 20th century.

Keywords: Lipiner, Vyach. Ivanov, Dionysian symbolism, Promethean discourse, Nietzscheanism.

References

1. Barzakh A. Ye. *Materiya smysla* [The Matter of Meaning] // *Ivanov V. I. Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya* – Ivanov V. I. Poems. Poems. Tragedy. SPb., Academic Project. 1995. Pp. 5–60.
2. *Bibliya. Knigi Sv'yashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta v Sinodal'nom perevode s kommentariyami i prilozheniyami* [Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in the Synodal translation with commentaries and appendices]. M., Russian Bible Society. 2004. 1643 p.
3. *Ivanov V. I. Stikhotvoreniya. Poemy. Tragediya. Kniga II* [Poems. Poems. Tragedy. Book II] / introductory article by A. E. Barzakh, compiled, prepared. text and notes by R. E. Pomirchy. SPb., Academic Project. 1995. 432 p.
4. Kachorovskaya A. Ye. *Retseptiya dionisiiskoy muzyki kak intermedialnogo aspekta nemetskoiasytchnogo prometejevskogo diskursa v poeme Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Reception of Dionysian Music as an Intermedial Aspect of German-Language Promethean Discourse in Lipiner's Poem "Der Entfesselte Prometheus"] // *Nauchnyy dialog* – Scientific dialogue. 2025. Vol. 14. No. 7. Pp. 259–277. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82931018>. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-259-277.
5. Kachorovskaya A. Ye. *Retseptiya filosofskikh vozzreniy Gete v poeme Zigfrida Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus"] // *Nauchnyy dialog* – Scientific dialogue. Vol. 11. No. 5. 2022. Pp. 320–335.
6. Kayanidi L. G. *Nitssheanskiy sloj v tragedii Vyacheslava Ivanova "Prometey"* [Nietzschean layer in Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus"] // *Imagologiya i komparativistika* – Imagology and comparative studies. 2025. No. 23. Pp. 122–145.
7. Lappo-Danilevskiy K. Yu. *K probleme zvukoobraza u Vyach. Ivanova* [On the Problem of Sound Image in Vyacheslav Ivanov] // *Literaturnyy fakt* – Literary Fact. 2024. No. 4 (34). Pp. 138–165.
8. Lipiner Z. *Osvobozhdennyi Prometey* [Prometheus Liberated] / transl. and introduction by N. A. Kholodkovsky. SPb., Suvorin Publishing House. 1908. 174 p.

9. Losev A. F. *Antichnaya mifologiya s antichnymi kommentariyami k ney. Entsiklopediya olimpiyskikh bogov. Sobr. Pervoistochnikov, stat'i i komment.* [Ancient mythology with ancient commentaries to it. Encyclopedia of the Olympic gods. Coll. Primary sources, articles and commentaries] / preface A. A. Takho-Godi. Kharkov, Folio ; M., Eksmo. 2005. 1004 p.
10. Maler G. *Pis'ma* [Letters] / under the gen. ed. of I. A. Barsova. SPb., Publishing House n. a. N. I. Novikov. 2006. 896 p.
11. Nitsche F. *Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki* [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music]. SPb., Azbuka-classic. 2005. 208 p.
12. Sokolov B. G. *Strasti po Nitsche* [Passions according to Nietzsche] // *Nitsche F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki* – Nitsche F. The Birth of Tragedy from the Spirit of Music. SPb., Azbuka-classic. 2005. Pp. 5–40.
13. Takho-Godi A. A. "Filosof khochet vse ponimat". *Predisloviye* ["A philosopher wants to understand everything". Preface] // *Losev A. F. Dialektika mifa* – Losev A. F. Dialectics of myth. SPb., Azbuka ; Azbuka-Atticus. 2016. Pp. 5–30.
14. Fedotova S. V. *Poetologiya Vyacheslava Ivanova : monografiya* [Poetology of Vyacheslav Ivanov : monograph]. Tambov, IPKRO. 2012. 293 p.
15. Kholodkovskiy N. A. *Vvedeniye k poeme Zigfrida Lipinera "Osvobozhdennyi Prometey"* [Introduction to the poem by Siegfried Lipiner "Prometheus Unbound"] // *Lipiner S. Osvobozhdennyi Prometey* – Lipiner S. Prometheus Unbound / transl. from German by N. A. Kholodkovsky. SPb., A. S. Suvorin Publishing House, 1908. Pp. 1–20.
16. Shmidt-Dengler V. *Mifo Dionise v kul'ture Veny na rubezhe XIX–XX vekov* [The Myth of Dionysus in the Culture of Vienna at the Turn of the 19th and 20th Centuries] // *Cbornik statey Studia germanica: nemetsko-yazychnaya literatura XIX–XX vekov v sovremennykh issledovaniyakh: nekonfrontatsionnyy dialog* – Collection of articles Studia germanica: German-language literature of the 19th and 20th centuries in modern research: non-confrontational dialogue. SPb. 2004. Pp. 124–137.
17. Shcherbakova Ye. V. *Interpretatsiya nitscheanskogo dionisizma v tvorchestve Vyacheslava Ivanova* [Interpretation of Nietzschean Dionysianism in the Works of Vyacheslav Ivanov] // *Russkaya literatura i filosofiya* – Russian Literature and Philosophy. Lipetsk. 2011. Pp. 20–24.
18. Aeschil. *Prikovanyi Prometei* [Chained Prometheus] / transl. A. I. Piotrovsky, introductory article and notes by V. N. Yarkho. Kaliningrad, Jantarnyi skas (Amber Tale). 1997. 95 p.
19. *Lengauer H. Siegfried Lipiner: Biographie im Zeichen des Prometheus* // *Die Oesterreichische Literatur. Ihr Profil von den Anfängen im Mittelalter bis zur Gegenwart. B. II* / Hrsg. von H. Zehman. Graz, 1989. S. 1227–1246.
20. *Pankow E., Peters G. Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen : Fink, 1999. 248 S.
21. *Puetz P. "Arischer" Frevel und "semitische" Suende. Nietzsches Prometheus-Konzeption* // *Prometheus: Mythos der Kultur.* Muenchen : Fink, 1999. S. 145–160.

Поступила в редакцию: 19.09.2025

Принята к публикации: 18.02.2026